

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт международного
сотрудничества
Направление подготовки
Профиль

Кафедра «Русский язык как
иностраный»
45.03.02 Лингвистика
«Теория и практика межкультурной
коммуникации»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ И
ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ ЭТОГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И.В.СТАЛИНУ)

Студент

Ходжамбердиева

Руководитель

Ширина

Нормоконтролер

О.О.Есафьева

Е.А. Пескова

Работа допущена к защите в ГЭК (протокол заседания кафедры от 28.05.20 № 12)

Заведующий кафедрой

В.В. Шмелькова

Работа защищена с отметкой удовлетвор. (протокол ГЭК от 30.06.20 № 6)

Секретарь ГЭК

С.С. Богомоллова

Пенза 2020 г.

ВВЕДЕНИЕ

На всех этапах существования языка он неразрывно связан с обществом. По мере развития общества, усложнения форм общественной жизни, обогащения и развития сознания развиваются и усложняются формы и виды общения, а следовательно, развивается и усложняется язык. На определенном этапе становления языка вместе с устным общением развивается и письменное общение; общение уже не ограничивается бытом населения, развивается деловое, официальное и даже научное общение. Отдельная общность людей, какой бы она ни была (род, племя, народ, нация) уже не ограничивает сферу коммуникации, возникает потребность использования того или иного языка в новом качестве, на более высоком уровне: становится актуальным международное, межнациональное общение.

Общепонятный язык, обслуживая самые разные группы носителей языка, развивается и неизбежно усложняется. В его составе постепенно формируются и ясно проявляются особые функционально-коммуникативные системы (формы реализации общепонятного языка), такие, например, как территориальные и социальные диалекты, литературный язык.

Все эти формы реализации общепонятного языка далеко не одинаковы в разные исторические периоды развития человеческого общества и в разных конкретных социально-исторических условиях существования того или иного языка: эпоха во многом определяет и их функции, и их структуру. Эпоха определяет и отношения между ними.

Особенно важным этапом в развитии социальной структуры языка, т. е. развитии составляющих его функционально-коммуникативных систем, оказывается переход от одной общественно-экономической формации к другой, особенно, если в основе перехода лежит решение вопроса о собственности. Так произошло при переходе от капиталистического общества к социалистическому. В условиях социалистического государства частная собственность, бывшая основой государственности при трех предыдущих системах, уступила место личной собственности, а главной

формой собственности стала коллективная собственность на орудия труда и производства.

Впервые такой переход произошёл с России. В 1917 году в результате октябрьского переворота коммунистическая партия большевиков пришла к власти, и в стране началась новая эпоха – советская.

Провозглашенное равноправие всем группам носителей языка не только открыло широкий доступ к грамотности, но и к средствам массовой информации, литературному творчеству (в том числе и к драматургии). Всё это наряду с обязательным средним образованием предъявляло к общенародному языку новые требования: быстро расширявшийся круг носителей литературного языка, влиял на его состав и отношения с другими компонентами (составляющими) общенародного языка. Закономерно изменяются и эти компоненты.

В годы советской власти проблема общенародного языка и основные тенденции развития его компонентов интересовали многих филологов и лингвистов. Однако лингвистические исследования того времени отличаются идейной направленностью. Это необходимо учитывать, когда опираешься на них в условиях новой реальности.

Итак, работы, посвященные языку советской эпохи, стали появляться почти сразу после 1917 года. Их писали как в молодой советской республике, так и за границей. Среди важнейших работ, вышедших в 20-е годы XX века, следует назвать книги С. И. Карцевского «Язык, война и революция», А. М. Селищева «Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926» [50] и Г. О. Винокура «Культура языка» [17]. Эти работы посвящены исследованию факторов, ведущих к расширению (разрушению) норм литературного языка, выявлению и описанию участков языковой системы, наиболее «чувствительных» к нарушению нормы.

Кроме того, учёные старались зафиксировать изменения в русском языке того времени. Самое полное и систематическое описание языка советской эпохи, и здесь нужно согласиться с общим мнением, представлено в

коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (под общей ред. М. В. Панова): [48] – проспект монографии, [49] – четыре основных тома. Монография дает описание языка советской эпохи на протяжении нескольких десятилетий, так сказать, в развитии. Ценность её состоит ещё и в том, что в ней содержится материал и более позднего времени – послевоенного. Существуют также книги и статьи о языке советской эпохи, написанные в эмиграции. Особенно содержательны работы О.П. Фесенко [54].

Сегодня русский язык находится на новом этапе развития. Произошла не только смена общественно-экономических формаций, но смена информационных эпох, что открывает широкий простор для исследований. Однако, на наш взгляд, именно сейчас важно обратиться к языку советской эпохи, посмотреть на всё «новыми глазами», может быть, понять нечто важное для нашего времени.

Язык советской эпохи всё еще представляет интерес для учёных в различных областях (например, стилистика текста, психолингвистика, лингвокультурология и др.). Некоторые вопросы, связанные с использованием в письменной речи единиц различных уровней языка, еще не получили должного освещения. В частности, еще многое можно сделать в этой области, исследуя особенности языка советской эпохи в эпистолярных текстах того времени. В центре нашего внимания – письма советских писателей И.В. Сталину.

Всё вышесказанное обуславливает **актуальность** нашей работы.

Цель работы – исследовать письма советских писателей И.В. Сталину на предмет наличия характерных особенностей языка советской эпохи.

Объект исследования – тексты писем советских писателей И.В. Сталину.

Предметом исследования стали характерные особенности языка советской эпохи, присущие эпистолярным текстам того времени.

Гипотеза исследования состоит в следующем: язык советской эпохи как инструмент классовой борьбы и политического влияния определил характер

эпистолярных текстов как в плане содержания, так и в плане языкового выражения.

В соответствии с поставленной целью и гипотезой исследования определены следующие **задачи**:

- 1) осуществить теоретический анализ литературы по теме исследования;
- 2) ознакомиться с текстами писем советских писателей И.В. Сталину;
- 3) определить критерии отбора текстов и отобрать тексты для реализации исследования;
- 4) провести лингвостилистический анализ отобранных текстов;
- 5) на материале эпистолярных текстов выявить и описать присущие им характерные особенности языка советской эпохи;
- 6) обработать и интерпретировать результаты исследования.

При решении поставленных задач применялись следующие **методы** исследования:

- теоретические методы: анализ литературы по теме исследования, построение гипотезы;
- эмпирические методы: лингвостилистический анализ, сравнительный анализ, дискурс-анализ, структурирование;
- статистический метод.

Лингвостилистический анализ текста направлен на поиск характерных особенностей языка советской эпохи, нашедших отражение в текстах писем советских писателей И.В. Сталину.

Лингвистическую основу исследования составили научные воззрения на язык и речь (Ю.Н. Караулов, И.Р. Гальперин).

В работе мы старались учитывать то, что в современной лингвистике существует большое число подходов к жанровому членению речи. Эти подходы различаются тем, какой критерий является основным при выделении речевых жанров: например, в структурном подходе главным критерием является композиция, а в коммуникативном – коммуникативное

намерение продуцента. В то же время в работах разных ученых есть много точек пересечения: каждый жанр является воплощением некоторого речевого замысла (коммуникативного намерения) говорящего или пишущего. Важным признаком речевого жанра является его адресованность: выбор того или иного стиля, а также его языковых свойств и композиции происходит с учетом фактора адресата. Таким образом понимание речевого жанра невозможно в отрыве от конкретной коммуникативной ситуации, поэтому необходимо учитывать его связь и с дискурсом в том числе. В этом состоит основной принцип коммуникативно-прагматического (ситуативного) подхода к описанию речевых жанров, в рамках которого осуществлено данное исследование. Объединив две концепции речевого жанра (М. М. Бахтин [8] и А. Вежбицкая [14]), мы выработали план, по которому описаны письма советских писателей И.В. Сталину. В соответствии с этим планом, каждый текст рассматривается по трем параметрами: 1) тема и содержание; 2) композиция; 3) языковое воплощение.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассмотрены характерные особенности языка советской эпохи на примере эпистолярных текстов советских писателей И.В. Сталину.

Практическое значение заключается в том, что материалы исследования можно эффективно использовать при обучении русскому языку как иностранному, в частности, для демонстрации выразительных возможностей русского языка.

Результаты работы могут быть использованы при изучении курса современного русского языка («Лексика»), в курсе «Стилистика», «Русский язык и культура речи».

Научная ценность нашей работы может быть обоснована степенью осмысления в ней особенностей эпистолярных текстов, созданных советскими писателями с использованием средств языка советской эпохи в период тоталитарного государства.

Структура работы. Поставленная цель и задачи определили структуру работы, которая состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и приложения.

О терминах. В работе термин «текст» используется в значениях, актуальных для лингвистики текста, психолингвистики, стилистики текста.

ГЛАВА I. Характерные особенности языка советской эпохи

1. Язык «эпохи»

Общественная жизнь в революционные времена, в эпохи общественных переломов и социальных сдвигов всегда характеризуется напряженным и ускоренным развитием. Эти эпохи в истории народа в целом становятся эпохами и в истории языка. Сфера действия языка в социуме лишена границ, именно поэтому отмечается бурное развитие языка в периоды коренного обновления общественной жизни.

Русский язык, по понятным причинам, не является исключением из этого правила, и вся его история наглядное доказательство этого. Изменения подобного рода состоят в следующем: 1) усиливается тенденция к избавлению языка от устаревшего запаса; 2) старые элементы языка получают новую жизнь, используются в соответствии с требованиями времени; 3) новая лексика быстро переходит в активный фонд общенародного языка, то же можно сказать о иноязычных заимствованиях этого периода.

Например, во эпоху Петра I общенародный русский язык претерпел такие изменения. Лингвисты отмечают заметные различия между новым периодом в истории языка и его прошлым состоянием.

В то же время все это не приводит к разрыву между новым и прошлым состоянием языка: сама структура языка, формировавшаяся и развивавшаяся века (грамматический строй, основной словарный фонд), сохраняется в основных чертах и диктует дальнейшее развитие языка, самобытность накапливаемых элементов, качественно новых.

Все вышеизложенное верно и для периода закрепления капиталистических отношений и становления революционно-демократического движения. Здесь следует отметить, что именно в это время в общенациональном языке получают место и закрепляются некоторые разговорные разновидности грамматических норм.

Успехи науки, бурное развитие техники, рост социального напряжения определили небывалый темп расширения словарного состава, а также новую дифференциацию стилей (научная и публицистическая проза). Так, на статьях революционных демократов, главным образом В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского, позже выросла большевистская публицистическая речь. Необходимо сказать, что и в эту эпоху преемственность в развитии языка сохранялась – структура языка, его основной словарный фонд и грамматический строй, развиваясь и совершенствуясь, сохранялись.

2. Особенности языка советской эпохи

Советская эпоха в отношении темпов развития языка уникальна. «Преодоление пережитков старого режима» необходимо было осуществить в кратчайшие сроки, оно охватило все сферы жизни общества. Вместе с тем масштабные усилия государства направлялись на построение нового общества, социалистического. Страна решала глобальные задачи переустройства, и темпы жизни поражали, поразительны и темпы развития языка.

Русский язык в первые годы советской власти характеризуется бурным развитием. Особенно явно это проявляется в ораторских речах, публицистике и художественной литературе.

На уровне лексики происходят важные изменения. Активно пополняется словарный состав. Возникают целые серии новых слов, образуемых по нормам русского словообразования. Появляется новый грамматический класс лексики – сложносокращенные слова. Многие иноязычные слова возвращаются из пассивного запаса русского языка и приобретают новые значения.

В художественной литературе привычным становится индивидуальное словотворчество (окказионализмы), появляются необычные для общенародного языка слова, хотя и создаваемые по его грамматическим моделям или по аналогии с народными словами. Слова эти, обычно эмоционально окрашенные, используются авторами для наиболее выразительной, по их мнению, характеристики новой действительности и новых людей. Правда, необходимо сказать здесь, что в ряде случаев таким образом в текст вносились черты радикального натурализма: авторская речь и речь действующих лиц содержала в избытке не только просторечия и жаргонизмы, но и вульгаризмы.

Современники, пораженные масштабами языкового обновления, вели обширную полемику по вопросам языкового развития. Полемизировали в

брошюрах, в журналах, на страницах газет. В ходе этих споров делались первые попытки анализировать новые языковые явления.

Научные исследования того времени отличались спонтанностью и непосредственностью, они не имели, и не могли иметь, твердой методологической базы. Особенное внимание исследователей привлекали наиболее заметные языковые явления и факты: исследовались сложносокращенные слова, иноязычные заимствования, нарушения норм литературной речи, жаргонная лексика, вульгаризмы.

Изменения в языке, если говорить языком философии исторического материализма, приравнивались к революционным изменениям в отношениях надстройка/базис.

На базе материальной культуры общества складывается и формируется духовная культура народа, его мировоззрение и идеология. В условиях новой общественно-экономической формации абсолютное утверждение идеологии пролетарского государства становится жизненно необходимо. Новая идеология внедрялась в сознание народа активно, даже агрессивно, часто она расходилась с реальностью, что порождало некую двойственность восприятия и оценки действительности. Чем сомнительнее становилось положение политической элиты, тем более тоталитарным становилось государство.

Советская эпоха, по сути, представляет собой развернутый в пространстве и времени процесс воплощения в жизнь социальной утопии (коммунизм). Именно она, эта утопия, и породила в условиях тоталитарной системы такое самобытное явление, как «советский язык» - «квазизык утопии», с определенными оговорками. По мнению В.В. Буйлова, он может рассматриваться как один из двух составляющих элементов национальной русской языковой диглоссии [11: 30], как некая вторичная семиотическая система и пристройка к национальному языку, созданная политически доминирующей социальной группой.

В данном случае можно вести речь о рождении нового языка, видоизмененного по сравнению с русским литературным языком и называемого «новоязом», основная задача которого – представлять и отстаивать господствующую политический догмат. Этот язык, по словам М. Геллера, «поощряется государством, формируется государством», в основе существования которого лежит «декларативная утопичность», т.е. заявление о намерении строить «идеальное общество» [20: 273]. Основные черты этого «новояза» как языка советской эпохи были в 20-е годы прошлого века описаны А.М. Селищевым [50: 141-147].

Говоря, например, о природе речевых шаблонов, присущих языку советской эпохи, исследователь отмечает, что такими речевыми шаблонами стали некоторые образные формы выражения экспрессии и эмоциональности. Крайне востребованные в целях пропаганды, они, соответствуя в целом политической конъюнктуре того времени, по каким-то причинам так и не обрели статуса речевого стандарта в его положительной функции. При частом употреблении в речи (особенно представителями властных структур) механизм их возникновения унифицировался. Это и приводило, по мнению А.М. Селищева, «не только к легкой воспроизводимости приема, но к буквальной повторяемости стилистического средства (или его элемента)» [50: 149]. Учёный так писал о выразительности языка советской эпохи: «Стремление к повышенной эмоциональности в речи свойственно всем революционным деятелям <...> У деятелей, не располагающих ни силой выразительной речи, ни глубиной понимания переживаемых событий, стремление к эмоциональности в речи выражается искусственных формах, не вполне и не всегда соответствующих содержанию переживаемого момента» [50: 141-142].

Советская власть осмысленно творила собственные мифы, стараясь заменить идею Бога, без которой не мыслил себя народ в целом, своей собственной «коммунистической» религией. Священными становились не только имена вождей, сначала революции, а позднее и советского

государства, но и ключевые слова-символы и слова-лозунги того времени: партия, революция, коммунизм, социализм, большевик, советская власть, советы, Советский Союз, Социалистическая Родина, Октябрь, коммунист, пролетариат, свобода, диктатура пролетариата, вождь пролетариата, вождь мирового пролетариата, вождь народов, классовый подход и т.п. Такие общечеловеческие и философские категории, как «сознание», «родина», «война», «смерть», «любовь», «народ», «отец», «искусство», «культура», «труд», «справедливость», «опыт», «верность», «правосудие», «враг», «дружба», «солидарность», «власть» выступали, как правило, в составе определенных идеологически окрашенных и канонически устойчивых словосочетаний новой революционной, а позднее и советской действительности: «классовое сознание», «социалистическая родина», «война буржуазии», «смерть империализму», «любовь к вождю», «любовь к партии», «отец народов», «пролетарское искусство», «социалистическая культура», «социалистический труд», «революционная идея», «социальная справедливость», «социалистическое правосудие», «передовой опыт», «империалистический враг», «классовый враг», «враг народа», «интернациональная дружба», «советская власть», «народная власть», «классовая солидарность» и т.п.

Выдержанные в духе советской идеологии высказывания представителей власти различных рангов имели лозунговый характер, отличались императивностью и трафаретностью (штампы). Возможность легкой воспроизводимости как самих штампов, так и новообразований по аналогии с существующими моделями способствовало быстрому распространению и закреплению в речи обычных граждан характерных для «новояза» конструкций-клише.

Следствием этого стало приближение обиходной устной речи к литературным нормам общенародного языка. Литературный язык обогащается и развивается: осуществляется определенный отбор средств общенародного выражения, с одной стороны, а с другой стороны,

расширение норм литературного языка. Этот процесс можно наглядно представить на примере слов, образованных суффиксальным способом словообразования с использованием уменьшительных суффиксов. Образованные по этой модели слова обычно широко представлены в потоке речи как формы экспрессии всякого рода: презрения, иронии, пренебрежения, сочувствия и др.. Практика публичной политической речи (как письменной, так и устной) открыла этим словам доступ в литературный язык за счёт расширения стилистических норм. К языковым фактам подобного рода относится использование мало употребляемых в литературной норме форм глагольного словообразования (например, типа «черпануть»), именное словообразование, заменяющее целые словосочетания сочетания (например, зачётка – зачётная книжка студента, самописка – самопишущая ручка, самоволка – самовольный уход солдата из расположения военной части и т.д.). Слова такого рода при благоприятных условиях прочно входят в состав литературного языка, не нарушая его норм (например, самоходка – самоходное орудие).

Итак, после Октябрьского переворота началось активное пополнение литературного языка словами, вызванными к жизни новыми условиями советской действительности, формированием новых понятий. Этот процесс получил широкое отражение в словарях. Вышедший в 1935 году «Толковый словарь русского языка» (под редакцией Д. Н. Ушакова) в 4-х томах включает много новых слов. В словаре уже есть такие слова, как «агитка, агитпроп, агромаксимум» и «агроминимум, активист» и «активистский, бригада (в значении «коллектив, выполняющий определенное производственное задание»), бригадир (руководитель бригады), беднота (в значении «социальная группа маломощных хозяев-крестьян»), партиец, партийка, партколлектив, партком, партнагрузка, партработник, ударник, ударный, ударничество, стахановец, стахановка» и много других. Характерно, что почти все они даются с пометой «нов.».

В широкое употребление входят образуемые новые слова, отражавшие новые государственные, социальные, бытовые, идеологические отношения. Среди них – сложносокращенные слова разных типов. Сокращение различных сложных названий практиковалось в партийной среде. Об этих словах важно сказать отдельно. Формирование этого грамматического класса было подготовлено еще до революционных событий в России. Во время первой мировой войны в военный обиход уже вошли телеграфные сокращения (например, комроты – командир роты, комбат – командир батальона, начдив – начальник дивизии и т.д.). После революции сокращения стали обычными уже не только в военном, но и в гражданском обиходе – в названиях учреждений, должностей и даже предметов. Особенное их распространение приходится на первые годы советской власти. Только в начале 30-х годов злоупотребление ими вызвало сопротивление со стороны общественности, и удельный вес их в русском языке значимо сократился.

Характерно, что названия крупных государственных учреждений, возникавших в середине 30-х годов, сокращениям не подверглись. В повседневности сокращения названий учреждений используются из-за удобства краткости. В общенародном языке остались большей частью сокращения не названий учреждений, а названий лиц, понятий, предметов не буквенные, а поморфемные сокращения («физкультурный, вузовец», «колхоз», «совхоз» и др.).

Можно назвать несколько причин их устойчивости. Во-первых, сокращения перестают совпадать по значению с словосочетанием, из которого произошли; во-вторых, они не имеют соответствующих по значению не сокращенных эквивалентов; в-третьих, это слова, производные от сокращенных. Многие сокращения настолько укрепились в повседневной жизни, что почти вытеснили из употребления те сочетания, из которых они образованы и с которыми совпадают по значению, например, «медпункт» – медицинский пункт, «автотранспорт» – автомобильный транспорт и т.д..

Некоторые первые элементы сокращений настолько прочно вошли в словарный состав общенародного языка, что создали своеобразный слой лексико-морфологических элементов, утративших морфологические связи с своим источником, и служащих для образования целых серий по виду сложносокращенных слов, но в действительности не имеющих за собой реально сокращаемых сочетаний. Сюда относятся такие лексико-морфемы, как кино-, авто-, лесо- и другие.

Рядом со сложносокращенными словами широкое распространение получили сложносоединенные слова, чаще прилагательные. Они образуют почти лексему, отражающую особый оттенок мысли, например: организационно-массовый, плано-предупредительный ремонт, научно-исследовательский, идейно-воспитательный, партийно-просветительный, инженерно-технический и т. п.

Такие общечеловеческие и философские понятия, как «сознание», «родина», «война», «смерть», «любовь», «народ», «отец», «искусство», «культура», «труд», «справедливость», «опыт», «верность», «правосудие», «враг», «дружба», «солидарность», «власть» выступают, как правило, в составе определенных окрашенных идеологически и канонически устойчивых словосочетаний новой общественно-экономической формации: «классовое сознание», «социалистическая родина», «война буржуазии», «смерть империализму», «любовь к вождю», «любовь к партии», «отец народов», «пролетарское искусство», «социалистическая культура», «социалистический труд», «революционная идея», «социальная справедливость», «социалистическое правосудие», «передовой опыт», «империалистический враг», «классовый враг», «враг народа», «интернациональная дружба», «советская власть», «народная власть», «классовая солидарность» и т.п.

Можно смело говорить о формировании советского языкового мышления, когда сложнейший процесс порождения речи (то есть процесс последовательной реализации семантических, грамматических и

прагматических правил в коллективной речевой коммуникации) сводится к механически организованной подстановке готовых семантизированных образов-клише. При этом речевая деятельность реализуется в рамках отдельного высказывания: исключается естественная для природы речи ориентировка на программирование и реализацию целого текста. Высказывание, таким образом, выступает лишь как функционально-синтаксическое сочетание языковых элементов.

Для нашей работы крайне важен тот факт, что анализ научной литературы по теме исследования показывает: так называемый «советский язык» складывается примерно в 30-е годы XX века. К этому времени все процессы, начавшиеся в двадцатые годы, замедляются, а то, что было привнесено с ними в русский язык, успевает либо закрепиться, либо исчезнуть. Это помогло нам определить временные рамки создания наиболее информативных эпистолярных текстов, которые мы можем привлечь для решения поставленных в исследовании задач.

ГЛАВА II. Эпистолярные тексты

1. Эпистолярные тексты советской эпохи

Исторически так сложилось, что письма интересуют исследователей больше в качестве свидетельств тех или иных событий. Они дают материал для исследований в области социальных наук, таких как история, социология, культурология и т.д. А вот языкознание только недавно обратило внимание на них. В то же время нужно отметить, что благодаря усилиям лингвистов накоплен некоторый опыт в исследовании эпистолярных текстов. Благодаря этому вполне сложилась система терминов, используемая при работе с текстами писем. Например, нельзя обойтись при рассуждении на тему реализации в эпистолярном тексте какого-либо функционального стиля, без упоминания понятия «эпистолярный стиль» (этим термином принято обозначать «стилистическую особенность писем (посланий) как одной из разновидностей письменной литературной речи» [45: 631]). Данный термин получил свое обоснование в работах как отечественных исследователей (Т. Г. Винокур, Л. Н. Кецба, О. В. Протопопова, Л. В. Щерба), так и зарубежных ученых (Ш. Балли, Р. Мейер). По мнению Л. В. Щербы, эпистолярный стиль расслоен на множество жанровых разновидностей и представляет собой совокупность стилевых вариантов, используемых в зависимости от социальных взаимоотношений продуцентов [56: 119]. Выбор стилевого варианта в письмах может быть обусловлен темой письма, его жанровой особенностью и другими факторами: «Стилистический

синкретизм эпистолярного стиля, обусловленный полифункциональностью письма как средства коммуникации, делает эпистолярный стиль открытым для разнообразных лексико-фразеологических и грамматических средств. Трудно назвать слово или фразеологический оборот, словоформу или синтаксическую конструкцию, которые бы не могли быть использованы в письмах...» [7: 46].

Важно отметить, что при лингвистическом исследовании эпистолярного текста учитываются условия коммуникативной ситуации, в которой он бытует, поэтому во многих работах, посвященных эпистолярному тексту, последнее время совмещаются два подхода – функционально-стилистический и коммуникативно прагматический.

Обратимся к эпистолярным текстам советской эпохи. В советском обществе существовала политическая установка, которая заключалась в том, что проблемы бытового характера возводились в ранг общественных и даже становились проблемами государственного масштаба. Этим легко можно объяснить активное использование продуцентами политических штампов, в том числе и в текстах на бытовые темы.

Такая отличительная особенность языка советского периода, как обилие в текстах слов-аббревиатур самого разного происхождения и других типов сокращений находит отражение и в эпистолярных текстах. Тот факт, что сокращения не расшифровываются, свидетельствует о том, что авторы писем уверены в безошибочном понимании реципиентом этих слов. Аббревиация в советском обществе была масштабным явлением и самым тесным образом была связана с партийно-государственной номенклатурой, как следствие, этот процесс охватывал все общество в целом.

Интересной особенностью языка писем в советские годы является то, что многие авторы демонстрируют явное стремление писать так, как говорят по радио или пишут в газетах (определенный конформизм языковой личности), именно поэтому в текстах содержится большое количество клише и слов из политического дискурса. В случаях, когда автор не обладает

достаточной языковой компетенцией, это стремление оборачивается тем, что образцы официально-делового стиля используются неправильно или неуместно, а порой смешиваются с разговорными и просторечными элементами. На примерах это выглядит следующим образом: «жильцы тщательно фильтруются», «по мотивам отсутствия пыльщиков», «за их трудовую работу», «тут имеется на лицо преступная нераспорядительность» и др.

Эпистолярные тексты советской эпохи отличает еще одна интересная черта – высокая степень инвективизации речи. Инвективная лексика, а также употребленные в оскорбительном смысле стилистически нейтральные слова, часто используются для именования или характеристики идеологических противников советской власти и по отношению к конкретным оппонентам авторов эпистолярных текстов. Принцип «Кто не с нами, тот против нас» заставлял людей активно выражать приверженность режиму, часто предполагавшую ненависть ко всем тем, кто смел усомниться в идеальности советской строя или в действиях партии. Все эти люди, граждане страны советов, автоматически возводились в ранг врагов. Высокий уровень языковой агрессии в текстах советского времени отмечался практически всеми исследователями языка этого периода.

2. Особенности писем И.В. Сталину

За годы правления И.В. Сталина советскими писателями и поэтами ему были написаны сотни писем. Конечно, история советской литературы насчитывает гораздо меньше, ведь какая-то их часть навсегда осталась в черновиках, потому что сама личность вождя воспринималась столь внушительной, великой, что многие так и не решились положить письмо в конверт и надписать адрес.

Письма И.В. Сталину давно интересуют исследователей, особенно тех, которые работают в области истории литературы, филологов, занимающихся творчеством отдельных писателей советской эпохи. Учёные отметили композиционную схожесть текстов: продуценты размышляют о своем творчестве, иногда жалуются на нехватку времени, сил или средств, говорят о невозможности завершить начатое или о невозможности решить бытовые проблемы. Еще в дореволюционной России у народа сформировалось убеждение, что царь добр и справедлив, а ближайшее окружение его обманывает или скрывает от него правду о положении в государстве.

М. Горький, В. Маяковский, Б. Пастернак, О. Мандельштам, Демьян Бедный, А. Толстой, М. Шолохов, М. Булгаков, А. Платонов, М. Зощенко, А. Ахматова, А. Фадеев, К. Симонов. Вот далеко не полный ряд поэтов и писателей, письма которых сохранились и получили известность. Разные по характеру и стилю, они объединены верой авторов в то, что от «вождя народов» зависит их судьба и судьба всей страны, всего мира. Образ

Сталина идеализируется, приобретает черты божества. Руководитель коммунистической партии и советского государства видит будущее, он строит его своей волей. Не случайно многие литераторы указывают, что именно И.В. Сталин есть главный читатель и ценитель их творчества.

ГЛАВА III. Эпистолярные тексты советских писателей, адресованные И.В. Сталину

1. Отбор материала исследования

Наше исследование осуществлено на материале корпуса писем. Важно, чтобы корпус отвечал хотя бы одному из двух главных требований, предъявляемых к корпусам текстов в лингвистике: полнота и сбалансированность. При составлении корпуса писем советских писателей И.В. Сталину трудно достигнуть полноты, для этого нужно было бы собрать все письма, включая черновые тексты, так и неотправленные адресату. По понятным причинам это невозможно. Однако с учетом цели нашего исследования и выдвинутой гипотезы полнота корпуса может быть обеспечена строгими критериями отбора текстов. В-первых, мы обратились к письмам тех писателей, которые находились в «особых» отношениях с советской властью: Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) – «буревестник» революции, писатель мирового масштаба, его вполне можно назвать одним из идеологов советского строя, Андрей Платонов (Андрей Платонович Климентов) – писатель со сложной творческой судьбой, стремившийся быть полезным в деле строительства нового общества, но отвергнутый и гонимый, Михаил Александрович Шолохов – один из немногих писателей молодой советской республики, чей талант был признан в советской России и за пределами государства, лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, а впоследствии лауреат Нобелевской премии по

литературе, единственный из троих член ВКП(б) (с 1932 года), депутат всех съездов партии с 1937 года. Во-вторых, мы учитывали характер личного отношения каждого писателя к Иосифу Виссарионовичу Сталину. Как следствие – имеем тексты разные не только по авторской позиции, но и по критерию «жанр/стиль»: дружеские письма, письма-исповеди, официальные письма.

Для того чтобы сбалансировать нашу выборку, мы решили ввести такой критерий, как время написания. Были отобраны тексты за период 1930-1934 годов. Анализ теоретической литературы показал, что именно этот период может быть наиболее интересен для исследования. Это время, когда «новояз» официально провозглашался и широко вводится в употребление как язык власти, в то время как русский литературный язык, главный составляющий элемент национальной языковой диглоссии, отвергается как язык буржуазии и интеллигенции, становится предметом насмешек и гонений [20].

В результате нами отобраны всего семь писем. Три письма написаны М. Горьким, два письма А. Платонова (это все, написанные им И.В. Сталину), два письма М. Шолохова. Это эпистолярные тексты, схожие по тематике, иногда по композиции, но разные, даже противоположные, по авторской позиции, а также в плане содержания и языкового выражения.

2. Письма

2.1. Эпистолярные тексты М. Горького

Переписка И. Сталина и М. Горького была активной. Особенно это касается времени пребывания Горького в Италии. В наши дни письма хранятся в Архиве Президента Российской Федерации. Публикация переписки не осталась незамеченной, точнее сказать, привлекла мировое общественное внимание.

Взгляды М. Горького, его мировоззрение и идеология были вполне социалистическими. Он воспринимал советскую власть как свое детище. Странно, что писатель-философ, писатель-реалист не разглядел набиравшего силу сталинизма. Из писем видно, что Горький не только считал Сталина «дорогим» товарищем, но и выполнял сталинскую волю, был пропагандистом режима.

Исключительное право публикации писем было предоставлено журналу «Новый мир» («Новый Мир», N9, 1997. Электронная версия текста на сайте «Журнальный зал»), там они напечатаны по подлинникам (авторизованная машинопись или автографы из личного фонда И.В. Сталина).

В исследовании мы рассматриваем тексты трех писем. Их объединяет дружеский тон, выраженное в них чувство теплого товарищества. Об этом говорят обращения («Дорогой Иосиф Виссарионович!» «Дорогой Иосиф Виссарионович, ...», «Дорогой, искренне уважаемый и любимый

товарищ», «дорогой товарищ», «рад узнать, что Вы за лето отдохнули...»), пожелания («Будьте здоровы!», «Сердечно жму руку и желаю Вам хорошо отдохнуть»), даже наставления («не наказывайте ругателей», «Напишите!» (для начинающих литераторов), «будут ходатайствовать о поездке... - разрешите» и др.). Встречается даже фамильярное отношение, что крайне необычно для писем подобного рода: «я, как и Вы, как все мы, «старики»...», «пора везти старые косточки мои на родину», «прошу Вас ознакомиться с ним (с докладом) поскорее, чтобы я успел внести ... поправки».

В то же время нельзя не заметить, что если на уровне темы и содержания письма схожи, то композиционно и в плане языкового выражения они имеют интересные отличия.

И в письме от 8 января 1930 года (текст №1 в приложении), и в письме от 2 ноября 1930 года (текст №2 в приложении), и в письме от 2 августа 1934 года поднимаются одни и те же темы, актуальные для общественно-политической жизни страны: вредительство, политическая борьба, организация литературной жизни. В плане содержания отметим, от текста №1 к тексту №3 радикальность суждений автора усиливается. Они становятся более жесткими в отношении «врагов», эмоциональными и даже агрессивными, что отражает язык текстов: текст №1 – «не думаю, что нужно наказывать пишущих ... нелестно или враждебно», «не наказывайте ругателей», потому что «многие ругаются по недоразумению, по малограмотности...», «не понимают всей глубины происходящего»; текст №2 – «совершенно потрясён новыми ... актами вредительства», «обрадован работой ГПУ», «...и у Вас возросла ненависть ко врагам и гордость силою товарищей»; текст №3 – «деятельность вредителей среди школьной молодёжи», «вредительства среди детей в Крыму», «охранять от мещанской заразы», «крайней малограмотности», «...Бахметьев, да и Гладков, ...- «отработанный пар», люди интеллектуально дряблые», «относятся враждебно», «мне противна его мужицкая хитрость», «Я не верю в искренность коммунизма Панфёрова, тоже малограмотного мужика...»,

«Литература для них – «отхожий промысел», «Моё недоверчивое и даже враждебное отношение к мужику не уменьшается», «требуется особенно острой критики». Всё это наглядно показывает, как постепенно нарастает инвективизация речи. Инвективная лексика и нейтральные слова, употребленные в оскорбительном смысле, часто используются для обозначения идеологических врагов советской власти и по отношению к конкретным оппонентам авторов писем (так происходит со словом «мужик» в письмах Горького.

Сталин и Горький говорят на одном языке – языке советской действительности. Об этом говорит и использование аббревиатур без расшифровки, использование «новой» лексики, отражающей изменение жизненного уклада (хотя Горький находился в Италии длительное время): ГПУ, ЦК (аб.), комфракция, «в Оргкоме» (сл.-сокр.), «200 человек «ударников», «беспартийный», «собственник» (отриц. оц.), «к нэпу» и др. Даже приехать в Россию он обещает «к Первому мая».

В письме 1934 года находим слова разговорного стиля, что отражает одну из основных тенденций развития языка в советский период времени (расширение нормы): «отскочила от него, как от гуся вода», «понемножку», «борьба группочек», «потолковать с этими молодцами», «обстановочка» и т.д.. Говоря о создании писательских групп внутри литературного движения, Горький, сторонник «генеральной линии» и принципов жесткого централизма в вопросах организации советской литературы, использует в тексте слово «группочки», показывая таким образом свое критическое отношение к происходящему с помощью суффиксальной модели словообразования с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса.

Во всех трёх текстах встречаются штампы, когда речь заходит о политической борьбе и идейном противостоянии. В основе традиционно лежит противопоставление «свой» (товарищ) - «чужой» (враг). Эмоциональность текста в этом случае возрастает.

Позиция «свой» реализуется исключительно с помощью позитивной лексики, часто с использованием языковых средств выразительности: «обрадован работой ГПУ, действительно неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии», «гордость силою товарищей», «солиднейшим идеологическим руководством». Кстати, говоря о роли партии и масштабах переустройства страны Горький часто использует прилагательные в форме простой превосходной степени («кратчайший срок», «глубочайшие основы» и даже с относительными прилагательными – «безумнейшая задача»), а также определительные наречия для усиления смысла («очень рад», «совершенно потрясён», «чрезвычайно хорошо»).

Позиция «чужой» реализована с помощью негативно окрашенной лексики. В текстах предстаёт законченный образ врага, основные черты которого лежат в основе классического образа «враг народа». «Человека крайне уродливо своеобразного», «способного ужаснуть своим животным консерватизмом», «инстинктом собственника», «впадают в неистовое безумие», «ловко организованными актами вредительства», «мужицкая хитрость, беспринципность, его двоедушные...», «люди, механически усвоившие революционную фразу, революционный лексикон, бешено ругаются, ... скрывая под этой фразой мстительное чувство», «мужик иногда говорит языком коммуниста», «индивидуалистическим «единоличным» багажом» - здесь есть и обвинение во вредительстве, указание на возможное безумие, мастерскую маскировку истинных убеждений, индивидуализм и пренебрежение интересами народа и страны, как их понимает политическое руководство.

В случае с М. Горьким трудно оценить, только ли он использует клише или является их автором, так как его статьи, публичные выступления, открытые письма были широко известны в стране, обсуждались и цитировались на разных уровнях, переходили из газеты в газету. Приведём как пример следующие фразы: «партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма», «социальная революция принимает подлинно

социалистический характер», «инстинктом собственника», «задача перевоспитать из в кратчайший срок», «вопрос (об интервенции) движется вперёд», «люди одной линии», «опираясь на центральный орган партии», «действительное необходимое идеологическое руководство литературой», «работает пролетариат для возрождения деревни», «открыто развёрнута борьба», «ответственных товарищей», «действительность, создаваемая партией».

Опираясь на данные анализа, можно прийти к выводу, что не только личность адресата влияла на тематику и содержание писем М. Горького, но и советская действительность в целом, а язык советской эпохи во многом определил характер этих двух эпистолярных текстов в плане языкового выражения.

2.2. Эпистолярные тексты А. Платонова

Для исследователей творчества А. Платонова не подлежит сомнению тот факт, что одной из главных особенностей его языка является сознательное и последовательное отражение всех характерных черт языка советской эпохи [11].

Однако язык Платонова, по мнению некоторых, соответствовал духу времени формально. Так, по словам Иосифа Бродского, Платонов «писал на языке данной утопии, на языке своей эпохи» [20: 164]. В.В. Буйлова отмечал, что сознателен именно формализм А. Платонова в отношении «новояза»: формально подчинив себя языку утопии, он раскрывает подмену общечеловеческих ценностей, выраженную в этом языке, и таким образом борется с языком утопии через его своеобразное употребление в рамках индивидуально-авторского стиля. И через язык борется с самой утопией [11].

Письма А. Платонова И.В. Сталину связаны с публикацией с согласия А. Фадеева повести «Впрок» в журнале РАППа «Красная новь» (№3 за 1931 год). Повесть была напечатана с подзаголовком «Бедняцкая хроника» — сатира на колхозное строительство. Платонов находился внутри гоголевской

традиции «смеха сквозь слёзы». Эта «устойчивая черта художественной идеологии Платонова» [43: 39] проявилась и в опубликованном тексте повести, за которую ему пришлось объясняться: два письма в «Правду» и «Литературную газету» и первое письмо Сталину.

«Впрок» Сталин прочитал в начале мая 1931 года и в политическом контексте понял как обличительный документ. Сталин не принял ни платоновского гуманизма, ни сатиры, перечеркнув название повести, написал — «Кулацкая хроника». В записке в редколлегию журнала в мае 1931 г. Сталин выразился вполне конкретно: «Рассказ агента наших врагов,... опубликованный головотяпами-коммунистами... P.S. Надо бы наказать и автора и головотяпов так, чтобы наказание пошло им «впрок» [43: 287-288].

Всего А. Платоновым было написано два письма И. Сталину. Первое письмо от 8 июня 1931 года. Впервые опубликовано в 1999 году в «Новой газете» [11]. Второе письмо от сентября-октября 1932 года по поводу постановки пьесы «Большое напряжение» тесно связано с первым. Не случайно в его тексте первое письмо упоминается три раза.

Обратимся к текстам писем (тексты рассматриваются по изданию А. Платонов «Я прожил жизнь» [43: 284-287, 327-328].

По характеру письма скорее официально-деловые. В них речь идет о проблемах, пришедших в творческую и личную жизнь Платонова, после публикации «Впрок». Об этом говорят, например, формулы этикета (1-е — «Товарищ С т а л и н.»// «Глубоко уважающий вас — АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ», 2-е — «ТОВАРИЩ СТАЛИН.»//—). Сравним эмоциональные обращения, которые Платонов использовал в менее официальной обстановке, когда писал людям, много значившим для него, влиявшим на его творческую судьбу: «Глубокоуважаемый тов. Козаков!», «Глубокоуважаемый тов. Мейерхольд.», «Глубокоуважаемый Алексей Максимович.» и др.. В обращении к Сталину автор письма прост и сдержан. Нельзя не заметить, что во втором тексте обращение написано заглавными буквами. Это говорит об изменении авторской позиции в отношении личности адресата. Она обретает

новый масштаб. Меняется и взаиморасположение букв фамилии: исчезают интервалы между ними. Слово «СТАЛИН» предстаёт как монолит, весомое и подавляющее. Видимо, именно так воспринимал адресата автор.

В текстах используются штампы официально-делового стиля: «При этом прилагаю копию протокола», «...соответствующие органы», «предпринимает для ликвидации... ошибок», «прошу... содействия» и др.. Текстам присуща открытость авторской позиции. Платонов всё называет своими словами, стремясь к максимальной точности, чтобы адресат понял его правильно («...я никогда уже не выкарабкаюсь к литературной общественной работе», «...никто никогда теперь не решится опубликовать что-либо, написанное мною...»).

Естественно, что и в письме 1931 года, и в письме 1932 года события жизни писателя тесно связываются с главными для страны общественно-политическими темами: вредительство («идеологически крайне вредную», «вредное произведение», «вред от публикации», «вредящее пролетариату», «вред колхозному движению»), политическая борьба («противостоят миру социализма», «враждебна пролетариату и колхозникам», «контрреволюционная ирония», «контрреволюционная пропаганда»), социалистическое переустройство общества («социалистическое переустройство деревни»).

Есть место в тексте письма и инвективной лексике и стилистически нейтральным словам, употребленным в оскорбительном смысле. Они используются А. Платоновым, но только для самокритики, потому что он в письмах вынужден доказывать свою лояльность власти. По его словам, повесть «Впрок» - «бредовое сочинение», «подлость, и подлость особенно гнусная». Автор, отрекаясь от своего произведения как от идеологической ошибки, отрекается от себя («художественно отверг, и ... политически»). Он здесь «условный» враг советской власти.

Платонов стремится говорить со Сталиным на одном языке – языке советской действительности. Он использует без расшифровки аббревиатуру

«РАПП» и даже производные от этого слова («рапповское руководство», «рапповская критика»), использует «новую» лексику, отражающую изменение жизненного уклада («худполитсовет», «колхозах», «колхозникам», «колхозные», «кулаков», «контрреволюционная»).

В текстах наблюдаем признаки одной из основных тенденций развития языка в советский период времени – расширение нормы. Автор письма использует слово «рапповского» («из рапповского руководства»), основа которого является производной и образована от основы аббревиатуры «РАПП» суффиксальным способом словообразования. В атрибутивной конструкции «пролетарского человека» своеобразно используется относительное прилагательное «пролетарского». На первый взгляд, кажется, что оно используется автором как синоним слова «рабочего», но, учитывая время создания эпистолярного текста, правильнее будет предположить, что таким образом выражается избыточная политизированность авторской позиции, что характерно для советской действительности в целом.

В текстах встречаются штампы, когда речь заходит о политической борьбе и идейном противостоянии. В основе традиционно лежит противопоставление «свой» (товарищ) – «чужой» (враг). Эти фрагменты текста отличает публицистичность. Эмоциональность текста в этом случае возрастает. Автор явно стремится воздействовать на адресата, добиться от него отклика. В первом письме, например, об этом говорит и тот факт, что активное авторское «я», выраженное и местоимением 1-ого лица ед. ч. в различных падежных формах, и формами возвратного местоимения, и притяжательным местоимением «мой» в различных падежных формах (35 ед.), как бы абстрагируется от идеологически «верных» умозаключений, исчезает. Кажется, что целые предложения в тексте письма не принадлежат А. Платонову. Сравним: «Вам я пишу это прямо, хотя тоска не покидает меня. Я увидел, что товарищи из РАППа – правы, что я заблудился и погибаю.» – «Но колхозное движение – есть самый драгоценный, самый... «трудный» продукт революции. Этот продукт, как ребёнок, требует огромного, чуткого внимания...». При

чтении возникает ощущение неискренности, как будто сам автор не убежден в своих словах. Видимо, это чувствовал и Сталин. Положение Платонова после писем не изменилось.

Позиция «свой» традиционна реализуется исключительно с помощью позитивной лексики, часто с использованием языковых средств выразительности: «идеологической помощи ряда лучших товарищей, настоящих большевиков», «товарищи из РАППа – правы», «увидел колхозных людей, поразивших мое сознание». Кстати, говоря о роли партии и масштабах переустройства страны Платонов, как и Горький, использует прилагательные в форме превосходной степени («самый драгоценный», «самый ...трудный результат»).

Позиция «чужой» реализована с помощью негативно окрашенной лексики. Как и в письмах Горького, в текстах предстаёт законченный образ врага, основные черты которого лежат в основе классического образа «враг народа». «Кулака», «кулацкий дух», «двусмысленность», «разглядеть кулаков», «враждебна пролетариату и колхозникам», «страшные, мрачные силы противостоят миру социализма», «деморализующая контрреволюционная ирония», «объективно вредящее пролетариату» и др.. - здесь есть (и как иначе) обвинение во вредительстве, маскировку истинных убеждений, индивидуализм и пренебрежение интересами народа и страны, как их понимает политическое руководство.

Как пример клише приведем следующие фразы: «социалистическое переустройство деревни», «продукт революции», «пролетарского подхода к действительности», «буду полезен революции», «в политике партии заключена забота о миллионах», «слабость понимания обстановки», «идеологически крайне вредную», «вызовет суровое осуждение», «руководителя всемирного рабочего движения».

Сталин не отвечал на письма литераторов (исключение – Д. Бедный и М. Горький). Платонов говорил после истории с повестью «Впрок»: «Я писал эту повесть для одного человека (для тов. Сталина), а этот

человек повесть читал и по существу мне ответил. Все остальное меня не интересует».

Платоновское словоупотребление в эпистолярных текстах, как и в художественных текстах, заключающееся в неоправданном смешении слов разных стилей, служит выявлению на уровне языка нестыковки декларируемых революционно-романтических лозунгов и казенно-бюрократической природы доведенного до абсурда автократического общества, потребности которого обслуживает язык утопии, поэтому и второе письмо, написанное в минуты отчаяния, когда лишенный возможности работать писатель находит будущее, содержит значительно меньше элементов «новояза». Оно большей частью написано красивым русским языком.

Тексты Платонова содержат доказательства того, что идеологически окрашенные штампы, новообразования по аналогии с существующими моделями быстро распространились и закрепились в речи рядовых граждан, а высказывания советских вождей трафаретно-лозунгового характера прочно вошли в жизнь и стали определять судьбу народа.

2.3. Эпистолярные тексты М. Шолохова

Тексты писем М. Шолохова главе советского государства И.В. Сталину были предъявлены широкой публике в конце девяностых годов прошлого века. Они вошли в сборник документов, изданный в 1997 году. Редактором сборника был Ю. Мурин. Именно в этом сборнике и были впервые собраны все письма, написанные М. Шолоховым И.В. Сталину и И.В. Сталиным М. Шолохову. Интересно, что деятели советской культуры и искусства узнали о письмах из речи Н.С. Хрущева 8 марта 1963 года на встрече руководителей с деятелями культуры и искусства. Государственные, исторические архивы тогда были закрыты от общественности, и годы правления Хрущева в этом вопросе ничего не изменили. В 1992 – 1993 годах

журналы «Родина», «Источник», «Вопросы истории» обнародовали отдельные документы из переписки «вождя народов» и писателя.

6 мая 1931 г. М. Шолохов написал первое письмо И.В. Сталину. Двадцатипятилетний писатель осмелился предупредить главу государства о том, как на Дону идет коллективизация. «Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается ...». Последнее письмо М. Шолохов написал и отправил за три года до смерти И.В. Сталина. 3 января 1950 года писатель обращается к Сталину с просьбой разъяснить ошибки в романе «Тихий Дон», чтобы иметь возможность исправить их в последующих редакциях.

В исследовании мы рассматриваем тексты двух писем, написанных в 1932 году (от 20.04.1932 г., от 29.10. 1932 г.). В них, на наш взгляд, видна принципиальность гражданской и политической позиции М. Шолохова. В текстах этих писем «новояз» выходит на новый уровень: эмоциональность и революционный романтизм уступают место рационализму и даже, можно сказать, коммунистическому прагматизму. Оба письма объединены одной темой – сельское хозяйство и сельскохозяйственная политика советской власти. В первом письме Шолохов указывает на явное противоречие между Постановлением ЦК «О принудительном обобществлении скота» и планом мясозаготовок на 1932 год.

Письма открытость авторской позиции, низкий уровень эмоциональности, деловой характер. Второе письмо вообще больше напоминает служебную записку: об этом говорят обращения (1-ое письмо «Тов. Сталин!», 2-ое письмо «Т. Сталину»), подписи (1-ое – «С коммунистическим приветом М. Шолохов», 2-ое – «М. Шолохов»). Композиционно тексты схожи. Шолохов уже в первом абзаце точно формулирует тему и обозначает проблему: 1-ое письмо – противоречие между Постановлением ЦК «О принудительном обобществлении скота» и планом мясозаготовок на 1932 год; 2-ое письмо – «Во время сева колхозниками расхищается огромное количество семенного зерна». Далее следует деловое изложение фактов. В последнем абзаце вывод: 1-ое –

«Считаю, что вопрос этот имеет для районного колхозного хозяйства первостепенное значение, поэтому решил обратиться к Вам»; 2-ое – «Уверен, что такое мероприятие поможет сохранить большое количество зерна».

Как уже отмечалось, нельзя не заметить, что если на уровне темы и композиции письма схожи, то в плане языкового выражения они имеют интересные отличия.

Суждения Шолохова нельзя назвать радикальными, хотя он действует условиях в той же коммуникативной ситуации, что и два предыдущих автора. В первом письме Шолохов, рассказывая об убийстве колхозником Антиповского сельсовета уполномоченного сельсовета, пришедшего забирать корову, не употребляет инвективную лексику, не использует оценочные эпитеты или штампы советской агитационной литературы. Нет слов «враг», «вредитель», выражений «кулацкий дух», хотя, по словам автора, «По хуторам происходила форменная война – сельисполнителей ... били чем попало». Видимо, Шолохов не стремился показать Сталину ненависть к «врагам» партийной линии, как в этой ситуации поступили бы многие в то время, чтобы подчеркнуть свою преданность режиму.

В то же время Сталин и Шолохов говорят на одном языке – языке советской действительности. Об этом свидетельствует и использование аббревиатур без расшифровки (ЦК, ВКП(б)), и использование «новой» лексики, отражающей жизненный уклад советской республики: «мясозаготовительный план», колхозники, селькомиссии, сельсовет, «сельсоветские работники», «сельисполнителей», партприкрепленный, парторганизация, «райком», «крайком (сл.-сокр.)», «уполномоченный сельсовета», «единоличник» (без отриц. оценки) и др.

В первом тексте находим слова разговорного стиля, что отражает одну из основных тенденций развития языка в советский период времени (расширение норм): «надо добавить «накидку»», «бабы и детишки», «ввязывались редко», «дело кончалось убийством», «крайком вздумал» и т.д.

Во текстах встречаются клише, что естественно для того времени: «оказывать решительное сопротивление», «хищение... носит массовый характер, ... - и организованный», «необходимо обязать правления колхозов», «обязать членов правления колхозов», «мероприятие поможет...».

Опираясь на данные анализа, можно прийти к выводу, что не столько личность адресата влияла на тематику и содержание писем М. Шолохова, сколько конкретные обстоятельства советской действительности, а язык советской эпохи не определил характер текстов в плане языкового выражения, а дал возможность быть услышанным властью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпистолярные тексты – уникальный материал для исследований. Своеобразие писем как источника диктует особые приемы и методы работы с их текстами, требует их критического переосмысления. По своему содержанию письма могут охватывать самые разные элементы общественной жизни – от подробностей личного характера до серьезных политических диспутов и философских размышлений.

Естественно, что во все времена эпистолярные такты, адресованные руководителям государств выделяются среди остальных эпистолярных текстов, даже отправленных во властные структуры самого высокого уровня. Их авторы таких писем – люди, предрасположенные к глубокой рефлексии, эмоционально более возбудимые в сравнении со среднестатистическим индивидуумом, поиск жизненных ориентиров для них есть процесс постоянный. Важно отметить, что их амбиции обычно выходят за пределы нормы. Писатели не являются исключениями из правил, а скорее подтверждают его.

Эпистолярные тексты писателей чаще других используются для исследования личных и общественных связей авторов, поскольку именно они часто выступают на первый план, когда речь заходит об общественной позиции писателя, его истинных ценностях, взглядах на вопросы культуры,

искусства, быта. Именно эпистолярные тексты позволяют проследить становление мировоззрения творческой личности, определяющее в конечном счёте идейно-философское содержание его художественных произведений. В данной исследовательской работе эпистолярные тексты рассмотрены как документы советской эпохи, содержащие характерные особенности ее языка.

На наш взгляд, главная цель исследования в ходе работы была достигнута: можно уверенно сказать, что эпистолярные тексты советских писателей И.В. Сталину содержат характерные особенности языка советской эпохи. Хотя при изложении результатов исследования мы ограничились семью эпистолярными текстами трех писателей, именно эти тексты, по нашему мнению, дают ясное представление о роли «новояза» в культурной и социально-политической жизни страны советов, так как представляют наибольшие по количеству текстов тематические группы, а также дают представление об их стилистическом разнообразии.

Обобщая результаты исследования, можно сделать **выводы**, подтверждающие правильность гипотезы, а именно:

1. Язык советской эпохи определял характер эпистолярных текстов как в плане содержания, так и в плане языкового выражения.
2. Язык советской эпохи, будучи инструментом классовой борьбы пролетариата против «всего старорежимного» и инструментом политического влияния, определял все сферы жизни не только на государственном уровне, но и на личностном уровне.
3. В процессе коммуникации граждан с представителями власти «новояз» играл роль своеобразного социального маркера (свой/чужой), поэтому в эпистолярных текстах советских писателей, обращенных к «вождю мирового пролетариата» И.В. Сталину, в изобилии содержатся его («новояза») элементы разных языковых уровней.

В заключение скажем, что работа с эпистолярными текстами, адресованными советскими писателями И.В. Сталину, позволяет

прикоснуться к колоссальному жизненному материалу, а само исследование имеет зримые перспективы.

Проблема свободной реализации языковой личности, в том числе элитарной (как в случае с величайшими писателями эпохи), в условиях тоталитарного государства носит комплексный характер, поэтому может изучаться в разных аспектах: историко-литературном, психологическом, функционально-стилистическом и т.д.. Различие обусловлено тем, какие свойства текста выходят на первый план, в какой степени они отражают индивидуальный стиль автора, отступают от норм функционального стиля, жанра, нарушают условия коммуникативной ситуации. Значит, исследование может быть продолжено: интересно было бы рассмотреть эпистолярные тексты поэтов на предмет наличия характерных черт языка советской эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акишина А. А., Формановская Н. И. Этикет русского письма. – М.: Русский язык, 1989.
2. Алексеев В. В. Письма трудящихся в газеты как источник социологической информации // Методы отбора данных, анализ документов, эксперимент. М., 1985.
3. Алпатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина
//Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 3. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – С. 92–104.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература», РАН 1995.
5. Аргашокова С. Х. Дискурсивно-лингвистические характеристики жанра «письмо редактору». На материале английского публицистического дискурса. Диссертация канд. филол. наук. Пятигорск, 2010.
6. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора //

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 660–668.

7. Балакай А. Г. Эпистолярная фразеология русского речевого этикета// Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк: НГПИ, 2002. Цит. по: <http://www.lib.znate.ru/docs/index119300.html> (дата обращения 20.11.2019).

8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика

словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.

9. Белунова Н. И. Дружеское письмо в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в школе, 2000, № 1. – С. 75–78.

10. Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования: Коммуникативный аспект. Автореф. дис. доктора. филол. наук. – СПб., 2000.

11. Буйлов В.В. Андрей Платонов и язык его эпохи. Раздел XX век. Русская словесность, №3, май-июнь, 1997. – С.30-35.

12. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 49–59.

13. Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.

14. Вежицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 99–111.

15. Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей: от Карамзина

до Гоголя. – М.: Наука, 1990.

16. Виноградова Е. М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста. Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1991.
17. Винокур Г. О. Культура языка. 4-е изд. – М.: URSS, 2010.
18. Вычуб Г. С. Письма трудящихся в системе массовой работы газеты. – М.: МГУ, 1980.
19. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования// Монография. — М.: Наука, 1981. — 140 с.
20. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. – МИК, 1999. – 432 с.
21. Гиндин С. И. Речевые действия и речевые произведения// Логический анализ языка. Язык речевых действий.— М.: Наука, 1989.—С.59–63.
22. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 2. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 4–6.
23. Данкер З. М. Функционально-семантическая организация текста частного письма (ситуация установления контакта). Автореф. дис. канд. филол.наук. СПб., 1992.
24. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания, 1997, № 1. – С. 109–121.
25. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010.
26. Ершов П. Рец. на: А. и Т. Фесенко. Русский язык при советах.// Новый журнал. Т. 43. – Нью-Йорк, 1955. – С. 298–300.
27. Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Земская Е. А. (отв. ред.). Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография. – М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – С. 25–277.
28. Кабанова Т. В. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (На материале рукописных и опубликованных текстов XX в.). Диссертация канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.

29. Капанадзе Л.А. Проблемы изучения речевых жанров// Капанадзе Л.А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М.: ВИНТИ РАН, 2005. – С. 275–322.
30. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
31. Кецба Л. Н. Место эпистолярного стиля в системе функциональных стилей // Изв. АН АзССР. Серия «Литература», 1971, № 3–4.
32. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Малые письменные жанры в городском общении: на пути к диалогу // Капанадзе Л. А. (сост.), Кузьмина С. М. (отв. ред.). Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 256–262.
33. Ковалева Н. А. Русское частное письмо XIX в.: коммуникация, жанр, речевая структура. Автореф. дис. доктора филол. наук. – М., 2002.
34. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. – М.: ИФ РАН, 1996.
35. Конькова 1997 – Конькова А. Ю. Письмовники 19 века как руководство к составлению деловых писем и бумаг // Секретарское дело, 1997, № 3. – С. 105–113.
36. Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов [Wiener Slawistischer Almanach. Band 22]. 1998.
37. Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. – Ленинград: Наука, 1980. – С.3–41.
38. Мелешенко Е. В. Письма Ф. М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Новосибирск, 2003.
39. Нижникова Л. В. Письмо как тип текста. Автореф. дис. канд. филол. наук. Одесса, 1991.

40. Огонек. 1990. № 19. С. 19-20.
41. Ожегов С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1951, т. X, вып. 1. – С. 22–36.
42. Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания, 1962, №3. – С. 3–16.
43. Платонов, Андрей. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920-1950 гг./ Андрей Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н.Корниенко и др. – Москва: Астрель, 2013. – 685, [3] с. – (Наследие Андрея Платонова).
44. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата //Речевые акты в лингвистике и методике: Сб. науч. тр. – Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. - С. 10–17.
45. Протопопова О. В. Эпистолярный стиль // Кожина М.Н. (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. - С. 631–634.
46. Прохоров Е. П. Эпистолярная публицистика. – М.: Изд-во МГУ, 1966.
47. Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.
48. РЯСО 1962 – Русский язык и советское общество. Проспект. АН СССР: Ин-т рус. яз. – Алма-Ата: Изд-во КазССР, 1962.
49. РЯСО 1968 – Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование. – М.: Наука, 1968. Кн. 1–3.
50. Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. Сост. Б.А. Успенский, О. В. Никитин.// М.: Языки славянской культуры, 2003.
51. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–222.
52. Солганик Г. Я. Автор как стилеобразующая категория

публицистического текста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2001, № 3. – С. 74–83.

53. Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е–50-е годы). Диссертация канд. филол. наук. – М., 2006.

54. Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение, 2008, № 23 (124). Вып. 24. – С. 132–143.

55. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. - Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.

56. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык //Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. - С. 110–129.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст №1

ПИСЬМО А.М. ГОРЬКОГО И.В. СТАЛИНУ

8 января 1930 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

«Руль» сообщает, что в Чите какой-то журнал не похвалил меня и за это понес наказание. Считая выговор ЦК новосибирцам, это — второй случай. Я вполне уверен, что будет 3-й, 10-й и т.д. Я считаю это явление совершенно естественным и неизбежным, но не думаю, что нужно наказывать пишущих про меня нелестно или враждебно. Враждебных писем я, как и Вы, как все мы, «старики» — получаю много. Заскоки и наскоки авторов писем убеждают меня, что после того, как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это

больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, 12 БЕНЕДИКТ САРНОВ своим инстинктом собственника. Таких людей — два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается. Вполне естественно, что многие из миллионов впадают в неистовое безумие уже по-настоящему. Они даже и не понимают всей глубины происходящего переворота, но они инстинктивно, до костей чувствуют, что начинается разрушение самой глубочайшей основы их многовековой жизни. Разрушенную церковь можно построить вновь и снова посадить в нее любого бога, но когда из-под ног уходит земля, это непоправимо и навсегда. И вот люди, механически усвоившие революционную фразу, революционный лексикон, бешено ругаются, весьма часто скрывая под этой фразой мстительное чувство древнего человека, которому «приходит конец». Обратите внимание: из Сибири, с Д[альнего] Востока ругаются всего крепче, там и мужик крепче. Но «брань на ворота не виснет», мне она жить не мешает, а в работе — поощряет. Человек я, как Вы знаете, беспартийный, значит: все, что по моему адресу, — партию и руководящих членов ее не задевает. Пускай ругаются. Тем более, что некоторые, далее многие ругаются по недоразумению, по малограмотности, и когда им объяснишь суть дела, перестают. Многие торопятся заявить о своей ортодоксальности, надеясь кое-что выиграть этим — и выигрывают. А, в общем, все идет отлично. Гораздо лучше, чем можно было ожидать. Так что не наказывайте ругателей, Иосиф Виссарионович, очень прошу Вас. Те из них, которые неизлечимы, не стоят того, чтобы думать о них, а которые легко заболели, — вылечатся. Жизнь наша — талантливейший доктор. Пользуясь случаем, еще раз поздравляю с полустолетней службой жизни. Хорошая служба. Будьте здоровы! А.Пешков А для «Литературной учебы» —

напишете? Надобно написать. Для начинающих литераторов это будет полезно. Очень. Напишите!

А. П[ешков]

<http://doc20vek.ru/node/1580>

Текст №2

ПИСЬМО А.М. ГОРЬКОГО И.В. СТАЛИНУ

2 ноября 1930 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович, Крючков привез мне Вашу записку, спасибо за привет. Очень рад узнать, что Вы за лето отдохнули. Был совершенно потрясен новыми, так ловко организованными актами вредительства и ролью правых тенденций в этих актах. Но вместе с этим и обрадован работой ГПУ, действительно неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии. Ну, об этих моих настроениях не буду писать, Вы их поймете без лишних слов, я знаю, что и у Вас возросла ненависть ко врагам и гордость силою товарищей. Вот что, дорогой И[осиф] Виссарионович], — если писатели Артем Веселый и Шолохов будут

ходатайствовать о поездке за границу — разрешите Вы им это; оба они, так же как Всеволод Иванов, привлечены к работе по «Истории гражданской войны», — к обработке сырого материала, работа их будет редактироваться историками под руководством М.Н. Покровского — мне, да и для них, было бы полезно поговорить о приемах этой работы теперь же, до весны, когда я приеду. На днях в Неаполь придут 200 человек «ударников», поеду встречать их. Очень рад потолковать с этими молодцами. Пьесу о «вредителе» бросил писать, не удастся, мало материала. Чрезвычайно хорошо, что Вы посылаете мне «новый»! Но — еще лучше было бы, конечно, если б нового в этой области не было. Сегодня прочитал в «Эксельсиоре» статью Пуанкаре. На мой взгляд — этой статьей он расписался в том, что ему хорошо известны были дела «промышленной» и «крестьянской» партий, что Кондратьевы и К — люди, не чуждые ему. Очевидно, и вопрос об интервенции движется вперед понемножку. Однако я все еще не могу поверить в ее осуществимость, «обстановочка» для этого, как будто, неподходяща. Но Вам виднее, конечно. Чувствую, что пришла пора везти старые косточки мои на родину. Здоровье, за лето, окрепло. Держу строгий режим. Приеду к Первому мая. Крепко жму Вашу руку, дорогой товарищ.

А. Пешков

<http://doc20vek.ru/node/1580>

Текст №3

ПИСЬМО А.М. ГОРЬКОГО И.В. СТАЛИНУ

2 августа 1934 г.

Посылаю Вам мой «доклад» и очень прошу Вас ознакомиться с ним поскорее, чтоб я успел внести в него поправки, которые Вы, может быть, сделаете. Прилагаю письма ко мне т. Мирского и Ясенского, а также копию статьи последнего, направленной в «Правду» и еще не напечатанной. Вероятно она и не будет напечатана, ибо Юдин и Мехлис — люди одной линии. Идеология этой линии неизвестна мне, а практика сводится к

организации группы, которая хочет командовать Союзом писателей. Группа эта — имея «волю к власти» и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы. Состав правления Союза намечается из лиц, указанных в статье Юдина, тоже прилагаемой мною. Серафимович, Бахметьев да и Гладков, — на мой взгляд, — «отработанный пар», люди интеллектуально дряхлые. Двое последних относятся к Фадееву враждебно, а он, остановясь в своем развитии, видимо, переживает это как драму, что, впрочем, не мешает его стремлению играть роль литературного вождя, хотя для него и литературы было бы лучше, чтобы он учился. Оценку Мирским «Последнего из Удэге» я считаю совершенно правильной, но, — судя по Юдину, — Фадеев только обиделся на нее. Мое отношение к Юдину принимает характер все более отрицательный. Мне противна его мужицкая хитрость, беспринципность, его двоедушие и трусость человека, который, сознавая свое личное бессилие, пытается окружить себя людьми еще более ничтожными и спрятаться в их среде. Я не верю в искренность коммунизма Панферова, тоже малограмотного мужика, тоже хитрого, болезненно честолюбивого, но парня большой воли. Он очень деятельно борется

СТАЛИН И ПИСАТЕЛИ 23

против критического отношения к «Брускам», привлек в качестве своего защитника Варейкиса, какой-то Гречишников выпустил о нем хвалебную книжку, в которой утверждается, что «познавательное значение «Брусков», без всякого преувеличения, огромно», и повторена фраза из статьи Васильковского: «Брусков» не заменяют и не могут заменить никакие, даже специальные исследования о коллективизации». Разумеется, в книжке этой нет ни слова о «Поднятой целине» Шолохова и о «Ненависти» Шухова. Вполне естественно, что на этих авторов неумеренное восхваление Панферова действует болезненно и

вредно. Лично для меня Панферов, Молчанов и другие этой группы являются проводниками в среду литераторов и в литературу — мужика, со всем его индивидуалистическим «единоличным» багажом. Литература для них — «отхожий промысел» и трамплин для прыжков на высокие позиции. Мое недоверчивое и даже враждебное отношение к мужику не уменьшается от того, что мужик иногда говорит языком коммуниста. Мужичья литература и литература о мужике требует особенно внимательного чтения и особенно острой критики. Все чаще приходится отмечать, что мужик учится не так жадно, как пролетарий. Вот последний случай: Молчанову были предложены средства для того, чтобы он поехал на одну из больших строек, пожил там, посмотрел, как работает пролетариат для возрождения деревни. Он отказался, сославшись на то, что пишет новую книгу. Критика его «Крестьянина» отскочила от него, как от гуся вода. Вишневский, Либединский, Чумандрин не могут быть руководителями внепартийных писателей, более грамотных, чем эти трое. Комфракция в Оргкоме не имеет авторитета среди писателей, перед которыми открыто развернута борьба группочек. И я должен сказать, что у нас группочки создаются фактом меценатства: у некоторых ответственных товарищей есть литераторы, которым «вельможи» особенно покровительствуют, которых особенно и неосторожно похваливают. И около каждого из таких подчеркнутых симпатией «начальства» литераторов организуется группочка еще менее талантливых, чем он, но организуется не как вокруг «учителя», а — по мотивам бытовым, узколичным. «Имярек» в свою очередь тоже, 24 БЕНЕДИКТ САРНОВ играя роль мецената, проводит в издательстве недозрелые «плоды творчества» юных окуней, щурят и прочих рыбок из разряда хищных. «Имярек» хлопочет о пайке и квартире для своего поклонника, которого он именует «учеником», но работе не учит и не может учить, ибо — сам невежда. К этому надобно прибавить, что мы имеем дело по преимуществу с людьми 30 лет, т.е. пережившими в отрочестве и юности «тяжелые времена», а эти времена отразились на психике многих 30-летних

весьма вредно: люди слишком жадны к удовольствиям жизни, слишком спешат насладиться и не любят работать добросовестно. А некоторые «спешат жить» так стремительно, что поспешность их вызывает такое впечатление: люди не уверены в том, что действительность, создаваемая партией, достаточно окрепла и будет развиваться именно так, как развивается, думают, что мужик только притворяется коллективистом и что у нас есть все посылки к фашизму и что «война может вернуть нас дальше, чем к нэпу». Если б это думал только мещанин, обыватель, тогда неважно, но так думают некие «партийцы», это мне кажется тревожным, хотя, как известно, я — «оптимист». К сему надо прибавить еще и деятельность вредителей среди школьной молодежи, о чем говорил мне Иван Макарьев и о чем, по его словам, он и рассказал Вам. О другой форме вредительства среди детей в Крыму рассказывали мне т[оварищи] из ГПУ. Я очень внимательно присматриваюсь к детям и на днях исполню обещание написать о них — опоздал сделать это не по своей вине. Детей необходимо охранять от мещанской заразы — вот в чем дело. Все выше — и очень неполно — сказанное убеждает меня в необходимости серьезнейшего внимания к литературе — «проводнику идей в жизнь», добавлю: не столько идей, как настроений. Дорогой, искренно уважаемый и любимый товарищ, Союз литераторов необходимо возглавить солиднейшим идеологическим руководством. Сейчас происходит подбор лиц, сообразно интересам честолюбцев, предрекающий неизбежность мелкой личной борьбы группочек в Союзе, — борьбы вовсе не по линии организации литературы как силы, действующей идеологически едино. Культурно-революционное значение литературы СТАЛИН И ПИСАТЕЛИ 25 понимается не многими. Знаю, что Вам будут представлены списки людей, которые рекомендуются в Правление и в Президиум Союза писателей. Не знаю — кто они, но — догадываюсь. Лично мне кажется, что наиболее крепко возглавили бы Союз лица, названные в списке прилагаемом. Но если даже будет принят предлагаемый состав Правления Союза писателей, — я убедительно прошу

освободить меня от председательства в Союзе по причине слабости здоровья и крайней загруженности литературной работой. Председательствовать не умею, еще менее способен разбираться в иезуитских хитростях политики группочек. Я гораздо полезнее буду как работник литературы. У меня скопилось множество тем, над коими я не имею времени работать. Сердечно жму руку и желаю Вам хорошо отдохнуть.

М. Горький

<http://doc20vek.ru/node/1580>

Текст №4

ПИСЬМО М. ШОЛОХОВА И. В. СТАЛИНУ

20 апреля 1932 г. Вешенская.

Тов. Сталин!

Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота»¹ находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок на 1932 г. по Вешенскому району. Судите сами: по району имеется коров в колхозном обобществленном стаде — 2025, в личном пользовании колхозников — 6787, у единоличников — 516, всего — 9328.

Овец и коз — в обобществленном колхозном стаде — 4146, у колхозников — 5654, всего — 9800. План же мясозаготовок на 1932 г. следующий: по крупному скоту — 12 058 ц, по мелкому — 2256 ц. К этому надо добавить «накидку» на второй квартал, полученную из края 14 апреля, по крупному скоту — 362 головы, по мелкому (овец, коз) — 3898 голов.

Гулевого скота старше двух лет по всему району имеется лишь 81 голова, выбракованных быков в этом году нет (поголовье рабочих быков резко уменьшилось, т. к. в прошлом году около 4 тыс. было сдано на мясозаготовку), следовательно, план по крупному скоту надо будет выполнять целиком за счет стельных или отелившихся коров. На Верхнем Дону коровы мелкопородные и — в среднем — не весят больше 15—16 пуд. Для того, чтобы выполнить мясозаготовительный план, надо будет сдать

примерно 4883 коровы и 8410 овец. На 13 629 дворов, имеющих в районе, останется коров (за исключением обобщественного стада) 2420 штук, овец и коз, со всем обобщественным поголовьем, 1390.

В конце первого квартала по району началась интенсивная покупка (заготовка) скота. И с первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запира́ть в сараи, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями. Продавать последнюю корову (во всем районе на 13 629 хозяйств на 1 февраля было только 18 двухкоровных хозяйств) никто не изъявлял желания, тогда на собраниях селькомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники: покупка коровы обычно производилась таким порядком: к колхознику приходило человек 7—8—12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замок и на рысях уводили корову.

По хуторам происходила форменная война — сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а где ввязывались, там дело кончалось убийством. Так, был убит колхозником Антиповского сельсовета уполномоченный сельсовета, пришедший забирать корову.

Можно с уверенностью сказать, что по числу заготовленных в марте коров (300 штук), такое же количество насчитывается в районе «битых и увечных», как со стороны покупающей, так и продающей.

После того, как до района дошло постановление ЦК от 26 марта, положение усложнилось: колхозники стали защищаться уже не только кольями, но и постановлением ЦК, ссылаясь на то, что в постановлении

сказано: «...задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова».

После получения «Правды» от 26 марта по хуторам происходило примерно то, что было после опубликования Вашей статьи «Головокружение от успехов»²: за «Правдой» шли в районный центр ходоки, вброд перебираясь через взывавшие лога и речки...

В настоящее время, в связи с севом, заготовки несколько свернулись. Но как только кончат колосовые, по колхозам опять пойдет «война» за коров. Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно.

Если Вешенский райком ВКП(б) и молчит, то, по-моему, только потому, что в прошлом году, когда крайком предложил сдать на мясо 3 тыс. рабочих быков, а райком вздумал ходатайствовать о снижении, то получил от крайкома выговор.

Считаю, что вопрос этот имеет для районного колхозного хозяйства первостепенное значение, поэтому решил обратиться к Вам.

С коммунистическим приветом

М. Шолохов

<https://history.wikireading.ru/145032>

Текст №5

ПИСЬМО М. ШОЛОХОВА И. В. СТАЛИНУ

29 октября 1932 г.

т. Сталину

Во время сева колхозниками расхищается огромное количество семенного зерна. Крадут обычно из сеялок, т. к. сеяльщик имеет полную возможность «сэкономить» на гектаре полпуда и пуд семенного зерна,

передвинув в процессе работы рычажок контролирующего аппарата по высеву, допустим, с 8 пудов на 7, или с 7 на 6.

А так как бригадир или партприкрепленному проследить за работой каждой сеялки абсолютно невозможно, хищение в ряде колхозов и районов носит массовый характер, а зачастую – и организованный, когда бригадир действует по договоренности с сеяльщиками.

Считаю, что для того, чтобы сеяльщик не мог произвольно изменять норму высева, необходимо обязать правления колхозов произвести в сеялках следующие, простые и не требующие никаких затрат приспособления:

1) На конце рычажка рукоятки контролирующего аппарата по высеву сделать отверстие, 2) в задней стенке семенного ящика, *с левой стороны* наглухо ввинтить шуруп с петелькой и обязать членов правления колхозов, чтобы при установлении норм высева они проделывали следующую несложную операцию, которая не дает возможности сеяльщику *уменьшить* норму: соединяли куском шпагата или проволоки отверстие в рукоятке с петелькой шурупа и, завязав веревку, пломбировали ее.

Уверен, что такое мероприятие поможет сохранить большое количество зерна.

29.10.32.

М. Шолохов.

<https://history.wikireading.ru/145032>

Текст №6

ПИСЬМО А. ПЛАТОНОВА И.В. СТАЛИНУ

8 июня 1931 г.

Товарищ С т а л и н.

Я прошу у вас внимания, которого делами пока еще не заслужил. Из необходимости беречь ваше время я буду краток, может быть, даже в ущерб ясности дела.

В журнале «Красная новь» напечатана моя повесть «Впрок». Написана она более года тому назад. Товарищи из рапповского руководства оценили эту мою работу как идеологически крайне вредную. Перечитав свою повесть, я многое передумал; я заметил в ней то, что было в период работы незаметно для меня самого и явно для всякого пролетарского человека – кулацкий дух, дух иронии, двусмысленности, ухищрений, ложной стилистики и т. д. Получилась действительно губительная работа, ибо ее только и можно истолковать во вред колхозному движению. Но колхозное движение – есть самый драгоценный, самый, так сказать, «трудный» продукт революции. Этот продукт, как ребенок, требует огромного, чуткого внимания, даже при одном только приближении к нему. У меня же, коротко говоря, получилась какая-то контрреволюционная пропаганда (первичные намерения автора не меняют дела – важен результат). Вам я пишу это прямо, хотя тоска не покидает меня. Я увидел, что товарищи из РАППа – правы, что я заблудился и погибаю.

В прошлом году, летом, я был в колхозах Средневолжского края (после написания «Впрока»). Там я увидел и почувствовал, что означает в действительности социалистическое переустройство деревни, что означают колхозы для бедноты и батраков, для всех трудящихся крестьян. Там я увидел колхозных людей, поразивших мое сознание, и там же я имел случай разглядеть кулаков и тех, кто помогает им. Конкретные факты были настолько глубоки, иногда трагичны по своему содержанию, что у меня запеклась душа, – я понял, какие страшные, сумрачные силы противостоят миру социализма и какая невероятная работа нужна от каждого человека, чья надежда заключается в социализме. В результате поездки, в результате идеологической помощи ряда лучших товарищей, настоящих большевиков, я внутренне, художественно отверг свои прежние сочинения, – а их надо было отвергнуть и политически, и уничтожить или не стараться печатать. В этом было мое заблуждение, слабость понимания обстановки. Тогда я начал работать над новой книгой, проверяя себя, ловя на каждой фразе и каждом

положении, мучительно и медленно, одолевая инерцию лжи и пошлости, которая еще владеет мною, которая враждебна пролетариату и колхозникам. В результате труда и нового, т. е. пролетарского, подхода к действительности, мне становилось всё более легко и свободно, точно я возвращался домой из чужих мест.

Теперь рапповская критика объяснила мне, что «Впрок» есть вредное произведение для колхозов, для той политики, которая служит надеждой для всех трудящихся крестьян во всем мире. Зная, что вы стоите во главе этой политики, что в ней, в политике партии, заключена забота о миллионах, я оставляю в стороне всякую заботу о своей личности и стараюсь найти способ, каким можно уменьшить вред от опубликования повести «Впрок». Этот способ состоит в написании и опубликовании такого произведения, которое бы принесло идеологической и художественной пользы для пролетарского читателя в десять раз больше, чем тот вред, та деморализующая контрреволюционная ирония, которые объективно содержатся во «Впроке».

Вся моя забота – в уменьшении вреда от моей прошлой литературной деятельности. Над этим я работаю с осени прошлого года, но теперь я должен удешевить усилия, ибо единственный выход находится в такой работе, которая искупила бы вред от «Впрока». Кроме этого главного дела, я напишу заявление в печать, в котором сделаю признание губительных ошибок своей литературной работы – и так, чтобы другим страшно стало, чтобы ясно было, что какое бы то ни было выступление, объективно вредящее пролетариату, есть подлость, и подлость особенно гнусная, если ее делает пролетарский человек.

Ясно, что такое заявление есть лишь обещание искупить свою вину, но не само искупление. Однако я еще никогда не делал таких заявлений и не сделал бы, если бы не был уверен, что выполню.

Товарищ Сталин, я слышал, что вы глубоко цените художественную литературу и интересуетесь ею.

Если вы прочитали или прочитаете «Впрок», то в вас, как теперь мне ясно, это бредовое сочинение вызовет суровое осуждение, потому что вы являетесь руководителем социалистического переустройства деревни, что вам это ближе к сердцу, чем кому бы то ни было.

Этим письмом я не надеюсь уменьшить гнусность «Впрока», но я хочу, чтобы вам было ясно, как смотрит на это дело виновник его – автор, и что он предпринимает для ликвидации своих ошибок.

Перечитав это свое письмо к вам, мне захотелось добавить еще что-нибудь, что бы служило непосредственным выражением моего действительного отношения к социалистическому строительству.

Но это я имею право сделать, когда уже буду полезен революции.

Глубоко уважающий вас – АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.

8 июня 1931 г.

<http://platonov-ap.ru/materials/letters/letter-151/>

Текст №7

ПИСЬМО А. ПЛАТОНОВА И.В. СТАЛИНУ

Сентябрь – октябрь 1932 г.

<http://platonov-ap.ru/materials/letters/letter-151/>